

М. Гардзанити
Университет Флоренции, Флоренция, Италия. marcello.garzaniti@unifi.it

«СТЯЗАНИЕ О ИЗВѢСТНОМЪ ИНОЧЬСКОМЪ ЖИТЕЛЬСТВѢ» МАКСИМА ГРЕКА.
ПОНЯТИЕ НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТИ И ЕГО ИСТОЧНИКИ

(Перевод Н. Н. Жуковой)

В этом произведении Максима Грека поставлена цель осветить основы монашеских обетов, которые находились в явном противоречии не только с наличием собственности, но и с самой идеей владения. Его позиция сложилась во время его пребывания в Италии и в последующем созрела в русле традиций восточного монашества, в преемственности, которая выявляет в истинном свете его оригинальный идейный синтез, существенный в новой церковной и общественной ситуации России.

Ключевые слова: культурные отношения России с Западом, Библия и литература, русское монашество, нестяжательство, Максим Грек

Исторический контекст и память о Флоренции

Произведение, которое Максим Грек хотел поместить в центре своего собрания, поднимает тему, фундаментальную не только для монашеской жизни¹, но и, в более широком плане, для всего русского общества того времени и должно рассматриваться в контексте споров об устройстве религиозных общин в России, которые владели земельными угодьями и деревнями. Однако чтобы понять позицию Максима, представляется необходимым включить его размышления в более широкий европейский контекст той эпохи и учесть его образование и опыт, приобретенные во Флоренции и Италии. Именно там споры о монашеской бедности и проблема ростовщичества были очень актуальны. Естественно, в рамках этой статьи можно только кратко упомянуть о других произведениях Максима, фактах его биографии и большой полемике в России того времени в надежде вернуться к этому в будущем.

Как вслед за Н. В. Сеницыной отметил А. И. Иванов, имеются различные сочинения Максима, в которых рассматривается этот вопрос и которые заслуживают упоминания [Иванов, 1969а]. С одной стороны, мы располагаем произведениями, посвященными описанию монашеской жизни на горе Афон, об этом идет речь уже в первом сочинении греческого инока в России – «Послании московскому великому князю Василию III об афонских монастырях» (1518–1519)². С другой – необходимо иметь в виду его описание монашеской жизни на Западе, в которых особое место отводится фигуре Савонаролы. И наконец, есть сочинения, специально посвященные критике монастырской собственности в России и, прежде всего, ростовщичеству, практикуемому в отношении крестьян, среди которых «Стяжание» – главное.

Эти сочинения интересуют нас больше тем, что передают идею монашеской бедности, выношенную Максимом, нежели тем, что описывают конкретную организацию монашеской жизни, на которой главным образом останавливается в упомянутом исследовании А. И. Иванов, как в основном и другие ученые. В любом случае, мы хотели бы напомнить утверждение петербургского историка: «Формирование нестяжательных взглядов Максима Грека относится ко времени пребывания его в Италии, где он близко познакомился с устройством и бытом некоторых католических монастырей...», который также задается вопросом, действительно ли «нестяжательные взгляды, сложившиеся в период пребывания его (Максима Грека. – М. Г.)

¹ Когда речь идет о монашеской жизни на Западе, имеются в виду как традиции и монашеских орденов бенедиктинской традиции, так и новых религиозных орденов доминиканцев и францисканцев.

² См.: [Преподобный Максим Грек. Сочинения / Под ред. Н. В. Сеницыной. М., 2008. Т. 1., с. 119–132]. Речь идет об основополагающем сочинении, которое еще ждет соответствующего толкования. Там делается отсылка к Халкидонскому полуострову и его монастырям как «Европейской Фиваиде», в то время как адресатом является наследник Палеологов, названный царем («в царех благочестивѣишии и самодръжче божественѣишии Москвы и всеа Росиа великий княже Иоаннович Палеологе»). О произведениях Максима, посвященных монашеству на горе Афон, см.: [Исаченко].

в Италии, не претерпели каких-либо изменений за время жизни его на Афоне» [Иванов, 1969а, с. 136, 140]. В этой перспективе основную роль берут на себя сочинения, рассказывающие о монашеской жизни на Западе.

В сочинении «Повѣсть страшна и достопамятна, и о съврѣшенемъ иночьскомъ жительствѣ»³ Максим Грек в первую очередь описывает историю основания общины и образ жизни картезианских монахов, чтобы затем перейти к драматическим событиям, связанным с Савонаролой во Флоренции. В первой части Максим подчеркивает выбор бедности основателями Картезианского ордена, важность общежительности и строгого образа жизни и особенно отсутствие собственности⁴. Черпая вдохновение более из доминиканской практики, нежели картезианской традиции, Повесть предлагает образы монахов, собирающих пожертвования, которые отвергают земные блага, следуя евангельским заповедям. Нам кажется возможным, в частности, сопоставить этот отрывок со «Стязанием»: «Елма же нѣции, отъ самолюбия и славолюбия ослѣпляеми, глаголють: како и откуду питаются, любяще съврѣшено нестяжание, – азъ и сие покажу имъ, поне же сами волею слѣпотуютъ къ евангельской истинѣ, от самолюбия и славолюбия побѣждаеми». И, процитировав отрывки из Евангелия от Матфея с увещаниями не беспокоиться о еде и питье (Мф 6: 25) и волноваться только о Царстве Божием (Мф 6: 33), автор утверждает: «Сию владычную спасительную заповѣдь и поучение съблюдающе, они не пекутся, како пристяжутъ изъобиліе имѣнни, и стяжани, и стада всячьскихъ скотовъ, ниже веляя съкровища на земли, злата и сребра. Едино у нихъ преизобилно стяжание и съкровище неистоощаемо есть – прилѣжнейше съблюденіе и скончаніе всѣхъ евангельскихъ заповѣдей»⁵.

Во второй части, посвященной делу Савонаролы, Максим Грек представляет критику ростовщичества («безбожнаго лихоиманія и бесчеловѣчскимъ рѣзоиманіемъ») как основную тему проповеднической деятельности брата-доминиканца и подчеркивает его небывалый успех, прежде всего в обращении беспутников и ростовщиков, которые в подражание Закхею (ср. Лк 19: 2–8) заканчивали тем, что раздавали бедным «злѣ и неправеднѣ събрана бывша ими имѣнни»⁶. В Повести центральное место занимает эпизод со вдовой, которая приносит Савонароле сумку с большой суммой денег, чтобы возвратить ее законному владельцу⁷.

В финальном обращении своей Повести Максим призывает тоном проповедника Суд Божий на того, кто угнетает бедняка, и, излагая проповедь доминиканского настоятеля, вновь осуждает занятие ростовщичеством, нападая на тех, кто ведет себя «оскрѣбляя его, и обидя, и снѣдаа безпрестани вселѣтними истязании ростовъ»⁸.

В своем кратком сочинении об орденах нищенствующих монахов – доминиканцев и францисканцев, – созданном, возможно, чтобы удовлетворить любопытство тверского епископа Акакия⁹, греческий монах подчеркивает стремление этих орденов продолжать традицию древнего монашества, обращая внимание прежде всего на бедность, понятую,

³ Сочинение опубликовано: Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2011. Ч. 2. С. 239–258; более ранняя публикация Д. М. Буланина с переводом на современный русский язык: БЛДР. СПб., 2000. Т. 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5107> (дата обращения: 20.04.2021).

⁴ См.: Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека... Ч. 2. С. 239–249. Толкование описания монашеской жизни см.: [Romoli].

⁵ Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека... Ч. 2. С. 245.

⁶ Там же. С. 249–250.

⁷ Там же. С. 250–251.

⁸ Там же. С. 256.

⁹ См.: [Garzaniti, 2019a; Ср. коммент.: Garzaniti 2019b, p.50-51]. Можно еще указать на то, что Максим после долгого заключения написал именно епископу Акакию в одном из его первых посланий: «Какыя рѣчи рекъ бы убо къ Сьдѣтелю всѣмъ епископъ тѣрьскыи съжзѣну бывшу събрѣному храму и всему двору его и всѣмъ имѣнниомъ и самому граду и множаншиимъ инымъ храмомъ и дворомъ и людемъ погорѣвшимъ гнѣвомъ Божиимъ въ лѣте 45-мъ осмыа тысящи июлиа, и какыи отвѣщаетъ ему боголѣпнѣ всѣхъ Господь, имъ же и вынматн подобаетъ съ страхомъ и вѣрою нелицемѣрною». В заключение Максим вкладывает пророческие интонации в свою речь, построенную на увещании творить дела милосердія, а не приносить пожертвования и проявлять должное внимание к бедным, исправляя свое нравственное поведение (Преподобный Максим Грек. Сочинения / Под ред. Н. В. Синецкой. М., 2014. Т. 2. С. 231–237).

в первую очередь, как нестяжательное внутреннее состояние, которое совмещалось с изучением Священного Писания и проповедью: «многа множества по всѣхъ королевствех латынскихъ мнихъ елико ихъ общее житие произволяютъ, подобнѣ древнымъ нестяжательно и безмятежно житие любезно проходятъ и дѣломъ съвършаютъ. Едино у нихъ дѣло прилѣжно и едино стяжание любимо – богодухновенныхъ писаній поучение непрестанно и еже по церквамъ учить безъ лѣности люди словомъ божимъ»¹⁰. Как и в предыдущем рассказе, Максим настойчиво подчеркивает, что у него нет никакого намерения создавать апологию латинской религиозной традиции, он лишь стремится вызвать наиболее искреннее рвение в русском монашестве, чтобы вернуть его к первоистокам.

Эти краткие сочинения, рассказывающие, несмотря на большой разрыв во времени с пребыванием Максима в Италии, о жизни в картезианских монастырях и нищенствующих орденах с учетом интересов его русских собеседников, показывают, насколько глубока память о его религиозном опыте и сколь важен был вопрос о нестяжательстве в его размышлениях, если заставил его использовать свои воспоминания с целью побудить русское монашество следовать евангельской бедности.

На Западе в нищенствующих орденах вопрос о бедности продолжал обсуждаться, и мы знаем, как энергично сражался Савонарола, встречая много препятствий, чтобы основать самостоятельную доминиканскую провинцию, где сохраняли бы верность правилам основателя. Его деятельность сообразовывалась с традицией обсервантов (*Osservanza*), большой вклад в которую внесла св. Екатерина Сиенская, выдающаяся представительница Доминиканского ордена и религиозного мистицизма XIV в. Ее письма опубликовал Альд Мануций в Венеции именно в годы сотрудничества с Михаилом Триволисом (1500) [*Infelise*].

Кроме того, Савонарола вел беспощадную борьбу против ростовщичества и учил проявлять постоянное внимание к бедным¹¹. Именно благодаря ему, в частности, была основана во Флоренции *Mons pietatis* (Гора милосердия, 1495), дабы уменьшить ущерб от ростовщичества (см.: [Schnitzer, 1931, vol. 1, p. 223–226; Polizzotto, p. 35–36]), установив предел ненавистным процентам. Нам кажется, можно найти отзвук этих идей в предложении Максима, которое мы читали в «Стязании»¹². Оппозиция феррарскому проповеднику была направлена против реформаторских тенденций как на религиозном уровне, так и в сфере политики и общества. Именно объединение флорентийской оппозиции Савонароле с папской курией предопределило гибель доминиканского проповедника¹³. Стоит обратить внимание на тесную связь между образом Савонаролы, созданным его биографами, прежде всего Джанфранческо Пико, и тем, который нарисовал Максим Грек, в юности бывший секретарем последнего.

После смерти Савонаролы власти ордена постарались умерить строгое соблюдение правил, введенное в монастыре Сан-Марко, что вызывало противодействие прежде всего молодых братьев, остававшихся верными его памяти [Schnitzer, 1931, vol. 2, p. 435–436]. Именно в период послушничества Михаила Триволиса в монастыре (1502–1503/1504?), где настоятелем был Савонарола, вопрос о владениях и доходах был причиной столкновения с теми, кто стремился сохранить древнее правило.

На одной из фресок Беато Анджелико, различимой еще и сегодня, в коридоре монастыря, где постоянно проходили братья, изображен св. Доминик. Обращенный к зрителям, он показывает открытую книгу, в которой написана фраза, взятая из завещания основателя

¹⁰ Ржига В. Ф. Неизданные сочинения Максима Грека // *Byzantinoslavica*. 1935–1936. Т. 6. С. 100.

¹¹ О значительности денежных возвратов ростовщиков см.: [Schnitzer, 1931, vol. 1, p. 282].

¹² См. первую часть нашего исследования: [Гардзанини, 2021, с. 166, примеч. 18].

¹³ В «Жизнеописании Джироламо Савонаролы» (*Vita Hieronymi Savonarolae*), написанном Джанфранческо Пико, это очевидно. Касательно дискуссии о том, чья вина больше в гибели феррарского проповедника: папы или флорентийцев, – интересна евангельская цитата со словами Пилата, на которые будто бы намекал сам Савонарола: «*Gens vestra et pontifices vestri tradiderunt mihi*» (ср. Ин 18: 35) (*Pico della Mirandola G. Vita Hieronymi Savonarolae / A cura di E. Schisto. Firenze, 1999. P. 149, 164*).

и вдохновленная правилом св. Августина: «Имейте любовь к ближнему, сохраняйте смирение, соблюдайте добровольную нищету: проклятие мое и Божие пусть падет на того, кто позволит иметь собственность кому-либо в этом ордене»¹⁴. Здесь можно увидеть идеал бедности, избранной добровольно, и радикальное неприятие любого владения в Доминиканском ордене, чреватое проклятием тому, кто нарушил его установления. Трансформация благословения, читающегося в Пс 36: 26, в формулу проклятия, о котором мы читаем в «Стязании», могла основываться именно на завещании св. Доминика¹⁵.

Впрочем, уже Савонарола в своих «Кратких правилах» (*Regulae quaedam brevissimae ac valde utiles quae ad omnes*, 1491) ясно выразил ту же самую крайнюю позицию относительно монашеской жизни. На первое место он поставил «любовь к бедности как на личном уровне, так и на общинном», призывая прежде всего иметь сердце свободным от «желания владения» и «ненавидеть любое богатство: маленькое или большое». Его образ жизни должен был соответствовать бедности и сопровождаться «желанием жить нищим в крайней нужде, потому что действительно бедняк наслаждается, живя в бедности»¹⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что позиция Савонаролы и опыт Максима Грека в монастыре Сан-Марко помогают нам лучше понять точку зрения афонского монаха на тему бедности и решительность его позиции, в которой ясно проступает евангельский радикализм.

Святоотеческие и философские источники

Не менее важной является аскетическая мысль восточной традиции, которая хорошо известна на Западе и, естественно, была предметом размышлений Максима Грека в годы, проведенные им на горе Афон в качестве монаха. Этот десятилетний опыт помог ему сосредоточиться прежде всего на осмыслении проблемы алчности и желания владения. Если мы примем во внимание греческую модель церковно-славянской терминологии, то обнаружим, что Максим делает отсылку к понятию, которое ведет свое происхождение из размышления Василия Великого (в действительности Псевдо-Василия) по вопросу об алчности. В *Pravia Institutio ascetica*¹⁷ и *De ascetica disciplina*¹⁸ иллюстрируется идея ἀκτῆμον βίος. Сохранился славянский перевод первого текста, сделанный самим Максимом¹⁹. Целая глава «Лествицы» (ступень XVII) Иоанна Лествичника посвящена именно понятию ἀκτῆμοσύνη. Речь идет о классиках монашеской литературы, значимых как для восточной, так и для западной традиции. Мы видели, как Максим цитирует «Лествицу» в конце «Стязания» и что это произведение было одним из немногих, которые ему позволили иметь при себе в течение долгого заключения (см.: [Судные списки, с. 123]).

¹⁴ «Caritatem habete, humilitatem servate, paupertatem voluntariam possidete, maledictionem Dei et meam imprecor possessiones inducenti in hoc ordine». О завещании св. Доминика см.: [Creytens], в частности, об использовании завещания в полемике о бедности на рубеже XV–XVI вв. [Creytens, p. 39–46], в которой описываются меры, предпринятые папами против обсервантов, чтобы узаконить собственность, и дается отсылка к спору о проклятии основателя (хочу пояснить: *osservanti* – это монахи-обсерванты, одна из ветвей Францисканского ордена). Об изображении Анджелико см.: [Iturgáiz Ciriza, p. 139]. Русский перевод: [Виллари, т. 1, с. 129; т. 2, с. 334]. Этот отрывок из завещания отмечен также А. И. Ивановым [Иванов, 1969а, с. 136], но без упоминания фрески.

¹⁵ См. выше, примеч. 14.

¹⁶ Приведем здесь отрывок целиком в оригинале: «Primo, ita debet paupertatem diligere in particulari et in communi ut statuat firmiter in corde suo nullo modo se velle aliquid possidere nec aliquid ad usum habere, nisi quod ei summo opere necessarium fuerit, in tantum ut odio habeat omnes divitias magnas et parvas, etiam ipsa vestimenta sine quibus honeste vivere non potest, gaudeatque de monasterii paupertate et doleat de eius abundantia, cum desiderio ut pauperrime vivat usque ad extremam necessitatem, quia vere pauper in paupertate gaudet» (*Savonarola G. Operette spirituali / A cura di M. Ferrara. Roma, 1976. Vol. 1. P. 69*).

¹⁷ *Patrologiae cursus completus. Series Graeca* / Ed. J. P. Migne. Paris, 1857. T. 31. Col. 621, 16.

¹⁸ *Ibid.* Col. 648, 42–43.

¹⁹ Текст известен под названием «Святого отца нашего Василия, архиепископа Кесарии Каппадокие речение» (см.: [Иванов, 1969б, № 23; Буланин, с. 183]). У нас пока не было возможности проверить этот перевод.

Желая углубить исследование корней этого понятия, мы должны констатировать, что идея ἀκτῆμων βίος происходит из эллинистической философии, возможно, кинического направления. В «Изречениях» Секста Эмпирика, подборке языческих высказываний, собранных анонимным христианским писателем во II в., читаем: «неалчный мудрец (без собственности) подобен Богу» (σοφὸς ἀκτῆμων ὁμοίος Θεῷ, 18)²⁰. Этот идеал принадлежал уже более древней философской традиции пифагореизма, стоицизма и кинизма, которая отрицала любую собственность у философа, и был усвоен из наиболее суровой традиции христианского аскетизма, засвидетельствованной в «Изречениях» Секста Эмпирика и великими писателями первых веков, начиная с Оригена (см.: [Pevarello, p. 98–132; Ramelli, p. 15, 226–227]).

В этом контексте размышления об истоках идеи в античной философии не просто упражнение в эрудиции. «Изречения» Секста Эмпирика были впервые опубликованы в латинском переводе в Лионе в 1507 г., и их выход свидетельствует о начальной фазе открытия идей греческого философа и, в более общем значении, скептицизма именно в гуманистических кругах, которые посещал Михаил Триволис. Обновленный интерес к философии Секста и скептицизму восходит к флорентийским кругам конца Кватроченто, и недавнее исследование выявило, что в эту эпоху наибольшим поклонником произведений Секста Эмпирика на Западе был как раз Джанфранческо Пико дела Мирандола (см.: [Сао, 1994; Сао, 2007; Pappalardo, p. 220; Акопян, с. 148–150, 184])²¹.

Интерес к этому философскому направлению подогревался тем же Савонаролой, который был намного более осведомлен в античной философии, чем было принято думать до недавнего времени. Незадолго до процесса над ним он указал на изучение скептицизма как на защиту от господства античной философии, которая заслоняла мудрость Священного Писания. Согласно «Жизнеописанию Джироламо Савонаролы», написанному Джанфранческо Пико, сам монах будто бы посоветовал своим монахам-собратьям Джорджо Антонио Веспуччи и Дзаноби Аччайуоли перевести на латинский Секста Эмпирика²². Первый – библиофил и гуманист, ставший монахом в 1499 г., через год после смерти Савонаролы, – владел кодексом с сочинениями Секста Эмпирика, который стал частью библиотеки Сан-Марко и затем перешел в собственность Джанфранческо Пико²³.

Следуя указаниям Савонаролы, сам Джанфранческо Пико заинтересовался Секстом Эмпириком прежде всего из-за его критики традиционной греческой философии, необходимой, чтобы сокрушить рационалистические тенденции Аристотелевской философии и, в более общем плане, занимающую все более центральное место в культурном споре античную философию. Его интерес к скептицизму, возможно, восходит к началу Чинквеченто, когда Максим был его секретарем, и в последующие годы гуманист из Мирандолы продолжил его изучение и сыграл важную роль в его распространении в Европе и прежде всего в Германии. Он считал скептицизм и философию Секста Эмпирика необходимым средством от аристотелевского рационализма²⁴.

Естественно, мы не можем с уверенностью утверждать, что Максим знал о происхождении термина ἀκτῆμων βίος из «Изречений» Секста Эмпирика, но, конечно, в годы своего пребывания

²⁰ В переводе на латинский язык Руфина: «sapiens vir et contemptor pecuniae similis est Deo» (о лексеме ἀκτῆμων и латинском переводе *contemptor pecuniae* см.: [Thesaurus sententiarum Sexti, p. 32]). Недавний русский перевод не учитывает это основополагающее понятие из византийской и русской культурной истории и звучит так: «неимущий мудрец подобен Богу» (Изречения Секста / Пер., вступ. ст. и коммент. А. С. Небольсина. М., 2007. С. 54, 93).

²¹ Об общей картине возрождения скептицизма в Европе см.: [Sgattoni].

²² См.: Pico della Mirandola G. Vita Hieronymi Savonarolae. P. 112–113.

²³ См.: [Сао, 1994], в частности, об описании кодекса в собственности Пико: [Сао, 1994, p. 239–240]; ср.: [Сао, 2009, p. 129–130].

²⁴ Для более общего обзора отсылаем к произведениям Джанфранческо Пико *Examen vanitatis doctrinae gentium et veritatis christianae disciplinae* (1520 г., начато около 1502 г.), а также *Quaestio de falsitate astrologiae* (1511) (см.: [Сао, 1994, p. 240–241]).

во Флоренции, и особенно когда он жил в Сан-Марко в тесном контакте с Веспуччи и Аччайуоли, и затем во время своего пребывания у Пико, работая с ним, он мог прочитать это произведение и познакомиться с критикой античной философии и тенденций рационализма скептиками. Как бы то ни было, для Максима более важное значение имели патристическая мысль и традиции восточного монашества, которое опиралось на Василия Великого и Иоанна Лествичника.

В более общем плане это побуждает нас изучать (что мы и предполагаем сделать в будущем) его последовательную критику крайностей западного рационалистического мышления в тесной связи с критическими взглядами Савонаролы, а затем и Джанфранческо Пико на античную философию, нежели, как это делалось до сих пор, рассматривать ее в ключе традиционной антилатинской полемики²⁵. Об этом свидетельствует, например, его «Повѣсть страшна...», в которой рассказ об основании Картезианского ордена является поводом для радикальной критики превознесения рационализма, практикуемого в университете Парижа.

К истокам полемики между стяжателями и нестяжателями

Когда в 1518 г. Максим Грек прибыл в Москву, Русская церковь была погружена в спор, касающийся монастырской земельной собственности и, прежде всего, возможности ее изъятия великим князем или светскими властями. В ходе церковного собора начала века (1503) сам великий князь вынужден был уступить под давлением наиболее влиятельных настоятелей, начиная с Иосифа Волоцкого²⁶. Неприкосновенность церковной земельной собственности, которая была накоплена в результате дарений, связанных с поминовением усопших, защищалась с опорой на канонические правила византийской традиции и жизнеописания святых монахов. Прибегли даже к латинским источникам, отсылая к знаменитому «Константинову дару» (*Donatio Costantini*), который стал известен в России в XV в.²⁷

На том же церковном соборе эта полемика оказалась связанной с борьбой против ереси «жидовствующих» и с необходимостью передать их светским властям, чтобы приговорить по возможности к смертной казни. Все это происходило на фоне сложной ситуации в Московском государстве, в котором централизаторские тенденции сталкивались с сопротивлением и стремлением к автономии, как, например, Новгорода, так и аристократии, которая часто происходила, как Патрикеевы, из княжества Литовского.

Мы не хотим входить сейчас в сложную дискуссию о полемике между стяжателями и нестяжателями, но нам кажется правильным отметить, что спор о монастырской собственности, который предшествовал прибытию Максима Грека в Москву, был связан прежде всего с правомочностью изъятия монашеских владений великим князем и светскими властями²⁸. В русской традиции настоящий спор о монастырской собственности, а значит, и размышления о духовных корнях монашеской нестяжательности, по нашему мнению, начинается или по крайней мере получает новый импульс именно с прибытием Максима Грека, который уже пережил во Флоренции эпохи Савонаролы одну из наиболее ожесточенных полемик о монашеской бедности.

Возможно, прибытие Максима Грека способствовало радикализации в подходе к вопросу именно в годы, в которые Вассиан Патрикеев работал над своей редакцией Кормчей книги. В

²⁵ Тема соотношения философской позиции Савонаролы и Джанфранческо Пико, с одной стороны, и позиции Максима Грека – с другой, выходит за пределы таких отдельно взятых вопросов, как астрология, и должна быть изучена более глубоко и систематически без схематического противопоставления Средневековья, олицетворением которого стал Савонарола, и Возрождения, воплотившегося в интеллектуалах из окружения Лоренцо Великолепного (см.: [Tromboni]).

²⁶ Библиография на эту тему значительна. Общее представление можно составить по работам: [Зимин, 1982; Плигузов]. Биографию Иосифа Волоцкого и предисловие к его сочинениям см.: [Алексеев].

²⁷ См.: [Афанасьева]. В России известна его переработка – «Повесть о белом клобуке», написанная в Новгороде.

²⁸ О различных позициях см.: [Плигузов, с. 20–56].

первую очередь Максим Грек выявил тесную связь между монашеской жизнью и евангельским идеалом, обратив внимание прежде всего на то, что монастырская собственность противоречит обетам, данным в ходе посвящения. С этой точки зрения сочинения Максима Грека представляют собой серьезный поворот, который делает более основательными рассуждения теологического и духовного характера. Они уже имели прочные основания в монашеской традиции Заволжья, но сейчас смогли обогатиться аргументами полемики о бедности и ее евангельских корнях, с которыми Максим познакомился во Флоренции, прежде всего во время пребывания в монастыре Сан-Марко.

В связи с этим можно было бы процитировать примечание монаха Вассиана, в котором, как правильно отмечает М. В. Корогодина, он «изложил причины и историю создания Кормчей и назвал основные ее источники». Старец так выражает свою мысль: «Есть въ святых правилѣх супротивно святому Евагелию и Апостолу и всѣхъ святых отецъ жителству, но не смѣхъ на своей души сего положить, и о сем възвѣстихъ господину отцу своему митрополиту Варлааму и всему священному събору. И они ми не велѣли ничего выставивати, глаголя: “Кто цѣломудръ разумъ имѣеть, тѣи лучшего дрѣжится, еже есть по Бозѣ, такоже и мы хотимъ и благословяемъ”. Сиа книга съписана по благословию господина нашего Варлаама митрополита всеа Русии в лѣто 7025-го месяца мая 27 день»²⁹.

Как мы старались доказать в прошлом, иерархия между источниками, начиная со Священного Писания (прежде всего Евангелие и Апостол), которые явственно отличны от патристических источников внутри более общей совокупности «священных книг», строилась на основе именно размышлений Максима Грека и представляет собой новшество по сравнению с русской традицией³⁰. Сколь деликатным был вопрос о сильных противоречиях между Священным Писанием и некоторыми «священными правилами», доказывает тот факт, что Вассиан был вынужден прибегнуть к церковным авторитетам, подчеркнув в своем произведении, что оно написано по благословию самого митрополита. Указанная дата возможно дает отсылку к официальному началу работы (1517?), то есть немногим ранее прибытия Максима Грека в Москву, но очевидно влияние, оказанное афонским монахом в процессе работы над произведением. М. В. Корогодина описывает это так: «Поворотным моментом в его работе стало знакомство с приехавшим в Москву в 1518 г. Максимом Греком, чья ученость и независимость в суждениях привлекли Вассиана. Беседы с приезжим греком со всей наглядностью показали, что известные русским книжникам славянские тексты – лишь малая часть церковного наследия; а завязавшаяся между ними дружба позволила Вассиану Патрикееву пользоваться помощью Максима Грека и его учеников, получая переводы неизвестных им до той поры греческих сочинений» [Корогодина, с. 358].

Затем было необходимо вернуться к источникам греко-византийского канонического права вместе с переводами и толкованиями, которые подкрепили бы эту духовную концепцию, поощряемую Максимом. По этой причине Максим Грек передает в распоряжение Вассиана

²⁹ НИОР РГБ. Ф. 209 (Собрание П. А. Овчинникова). № 149. Л. 4 об. Цит. по: [Корогодина, с. 346].

³⁰ См.: [Гардзанини, 2016]. Критическое отношение Вассиана к источникам было отмечено как М. В. Корогодиной [Корогодина, с. 346], так и Л. В. Мошковой [Белякова, Мошкова, Опарина, с. 104]. Основополагающую ориентацию на Евангелие можно наблюдать также в его оригинальном произведении «Собрание некоего старца», которое, как и «Слово ответное», должно было бы, на наш взгляд, изучаться в связи с экзегетическими размышлениями Максима Грека (ср.: [Буланин, с. 93]). Об опоре на Евангелие и Священное Писание в этом сочинении см.: [Сизинцев]. Может быть, было бы интересно пересмотреть все произведения русского монаха в этой перспективе, новой в сравнении с классической монографией Н. А. Казаковой [Казакова, 1960] или исследованием А. И. Плигузова [Плигузов]. Традиционное отношение к «священным книгам» ясно засвидетельствовано в размышлениях Иосифа Волоцкого в «Просветителе» [Špidlík, p. 10–18].

различные переводы в ходе подготовки новой редакции Кормчей книги³¹. Тем не менее в своих сочинениях греческий монах не хотел входить прямо в канонические вопросы, возможно, из осторожности, а также из-за сложных отношений между Константинопольской патриархией и Русской церковью. Об этом свидетельствуют как сочинения Максима, которые сосредоточиваются на духовных и богословских вопросах, так и очевидные последствия принятой позиции в ходе процесса, который осудил монаха Вассиана вместе с Максимом (1531)³². Мы можем это подтвердить, например, тем фактом, что Максим не поднял вопроса о взносе в деньгах или недвижимом имуществе, который новые кандидаты часто были вынуждены предоставлять, чтобы войти в монастырь, в то время как этот вопрос детально обсуждается в Кормчей книге Вассиана (см.: [Корогодина, с. 384–385]). Максим кратко высказывается об этом в уже упомянутом «Сказании об афонских монастырях», подчеркивая бесплатность пострига как традицию горы Афон [Преподобный Максим Грек. Сочинения / Под ред. Н. В. Сеницыной. М., 2008. Т. 1., с. 125]³³.

Следуя тенденции, которая отражает общее направление европейской культуры того времени, Максим считал основополагающим возвращение к источникам, в первую очередь к «евангельской истине», о чем постоянно настаивает в своих сочинениях, так же как и к корням патристической мысли. Основываясь на рассуждениях отцов церкви, в особенности Василия Великого, возможно, именно Максим Грек пустил в оборот славянские термины «стяжательство» и «нестяжательство», чтобы высветить в первую очередь внутреннее отношение к монашескому нестяжательству на основе понятий ἀκτῆμοσυνῆ и φιλοκτῆμοσυνῆ. Так, возможно, родились определения «стяжатели» и «нестяжатели», ставшие, прежде всего для Вассиана Патрикеева, знаменами, под которыми объединялись как те, кто поддерживал монастырскую собственность, так и те, кто, наоборот, отвергал ее.

Не менее важным в этом размышлении о корнях монашеского нестяжательства было обращение к византийской литургической традиции. Если мы примем во внимание чины монашеского пострижения византийско-славянской традиции, то сможем опознать в них один из важных источников рассуждения, предложенного Максимом³⁴. В чине монашеского пострига малой схимы один из основных пунктов представлен вопросами игумена, который должен проверить, по доброй ли воле выбирает кандидат монашеское призвание³⁵. Та же

³¹ М. В. Корогодина открыла и изучила более древний текст Кормчей книги в редакции Вассиана. Кодекс восходит, возможно, к 1510-м или началу 1520-х гг. [Корогодина, с. 314]. Нам представляется более правдоподобной вторая дата. В рукописи, которую мы просмотрели, тексты расположены не в хронологическом, а в тематическом порядке [Корогодина, с. 321], кроме того, она содержит важную главу, посвященную ростовщичеству (гл. XIV). О переводах с греческого в Кормчей книге, с особой отсылкой к переводам, выполненным Максимом, которые исследовал А. И. Плигузов [Плигузов], см.: [Корогодина, с. 348, в особенности № 70, с. 359–374]. Эти переводы можно связать как с канонической традицией, особенно с наиболее древней, так и с вопросами более специальными, такими как царская власть, суд над еретиками, и даже с вопросом о пророческом даре, которые тематически связаны с ситуацией эпохи и с деятельностью Вассиана Патрикеева и Максима Грека.

³² См.: [Гардзанини, в печати]. Ср.: «яз в епископех не бывал, ни в игуменех, ни в дьяконех, ни в подьяконех, церковнаго устава и закона не ведаю, простой есми чернец» («Сибирский список». Л. 339 об. [Судные списки, с. 115]).

³³ Одновременно в своем Послании Максим Грек подчеркивает важность общего труда. По вопросу взноса («вклад»), тем не менее, делается недвусмысленная отсылка к «Сказанию об афонских монастырях», которое находится в некоторых списках Кормчей книги в редакции Вассиана. Сказание могло быть записью его устного рассказа.

³⁴ Славянский перевод этих чинов имеется уже в Синайском требнике, опубликованном Х. Тончевой-Тодоровой [Тончева-Тодорова]. Мы принимаем во внимание, в частности, чин малой схимы в редакции XIV в. с вариантами [Тончева-Тодорова, с. 20–31] и чин великой схимы [Тончева-Тодорова, с. 33–72].

³⁵ «Вопросъ. Волною ли твоею мыслию приступаеши ко Господу; ѿвѣтъ, Ей, Богу содѣствующу, честныи отче. Вопросъ: Не ѿ некіа нужды или насилїа; ѿвѣтъ, Ни, честный отче» [Тончева-Тодорова, с. 21] (цитата приведена без сокращений). О великой схиме см.: [Тончева-Тодорова, с. 46].

свобода выбора должна быть подтверждена до пострижения перед Евангелием³⁶. В этих чинах могут читаться те же библейские цитаты, которые присутствуют в «Стязании», в частности те из них, которые подчеркивают свободную волю в принятии монашеской жизни и в отказе от имущества (Лк 9: 23; Кол 3: 9–10; Мф 10: 38)³⁷. Даже когда делается отсылка к наиболее древней монашеской традиции, в чине пострига читаются те же имена отцов-основателей: Антония, Евфимия и Саввы, на них ссылается Максим в полемике с монахом-стяжателем, который хвалился приверженностью к традиции своих монастырей³⁸.

В этой перспективе было бы важно более внимательно сравнить произведения Максима, посвященные стяжательству, с сочинениями Вассиана и тех, кто занял ясную позицию против монастырской собственности, начиная с монаха Артемия, который принял Максима в Троицком монастыре. С одной стороны, могли бы проступить отличия в различных позициях, даже если часто использовались одни и те же источники, с другой – у нас появилась бы возможность лучшего понимания развития полемики и более точной датировки произведений. Проблема состоит не столько в том, чтобы установить влияние и взаимовлияние, сколько в том, чтобы воссоздать интеллектуальную и религиозную среду, в которой зарождался спор, касавшийся не только России, но и всей Европы.

Сохраняется трудность в датировке «Стязания». Как мы говорили, Н. В. Сеницына отказалась называть дату в своем издании, хотя в первой монографии, посвященной греческому монаху, указала 1540-е гг. [Сеницына, 1977, с. 204–210]. Опираясь на документы, относящиеся к процессам над Максимом Греком 1525 и 1531 гг., можно было бы предложить гипотетическую реконструкцию³⁹.

Учитывая тот факт, что первый процесс 1525 г. был сосредоточен на Максиме Греке и его деятельности как переводчика, можно понять, что все аспекты, связанные с социальной и политической жизнью, были отодвинуты на второй план. Конечно, поставление митрополита Даниила (1522), снисходительно относящегося к новому браку великого князя и открыто поддерживающего монастырские владения, вызвало ответную реакцию сторонников монашеского нестяжательства, объединившихся вокруг Вассиана, с которым Максим сотрудничал над составлением Кормчей книги. С точки зрения нового митрополита, позиция Вассиана была еще слишком крепка, чтобы ее подорвать. Однако можно было ударить по мозговому центру идеологии, который своим авторитетом убежденно поддерживал проект по реформированию русского монашества.

Впрочем, уже было недостаточно защиты со стороны великого князя, получившего от представителей Восточной церкви, как и от самого Максима, отрицательный ответ по вопросу о расторжении брака, на которое он рассчитывал в надежде иметь наследника мужского пола⁴⁰. Это расторжение брака, кроме всего прочего, сопровождалось насильственным пострижением законной супруги (1525), которое Максим сурово критиковал в эпилоге. В то же время чувствовалось недовольство великого князя дипломатической деятельностью в отношении Османской Порты, в которую были вовлечены дипломаты греческого происхождения. Не случайно события первого процесса связывают с немилостью, в которую попали другие

³⁶ «Се Христось невидимъ здѣ предстоить: виждь, ꙗкѡ никтоже та принуждаеть прїити к сему образу; виждь, яко ты ѿ предложенїа хоцещи вбрученїе великаго и агельскаго образа. Ѡвѣтъ, Си, честныи отче ѿ предложенїа» [Тончева-Тодорова, с. 26] (цитата приводится без сокращений). О великой схиме см.: [Тончева-Тодорова, с. 57].

³⁷ В чине великой схимы делается явная отсылка к «земной реальности», к имуществу, домам, родственникам и слугам [Тончева-Тодорова, с. 35, 48].

³⁸ См.: [Тончева-Тодорова, с. 24 (о малой схиме), с. 52 (о великой схиме)].

³⁹ Отсылаем, в частности, к наблюдениям Н. Н. Покровского [Судные списки, с. 55 и сл.].

⁴⁰ Хотя речь идет о позднем документе, который восходит к 1546–1547 гг., так называемая Выпись о втором браке Василия III уже давно привлекает к себе внимание ученых (см.: [Судные списки, с. 42; Казакова, 1968], а также [Зимин, 1976; Сеницына, 2008, с. 166 и сл.]).

представители греческой диаспоры, начиная с важной фигуры Юрия Малого Траханиота (вторая половина XV – первая четверть XVI в.)⁴¹. Можно предположить, что именно накануне первого процесса над ним Максим создал «Стязание», где кратко изложил основные принципы своей позиции, которые должны были принять сторонники монашеского нестяжательства.

Только на втором процессе, который был направлен, в первую очередь, против монаха Вассиана, центральное место заняли вопросы социального и политического характера, начиная с вопроса о монастырских владениях. Было несложно обнаружить среди сочинений Максима, находившихся у Вассиана, его «Стязание», провозглашавшее суровую и принципиальную позицию в отношении монастырских владений. На мой взгляд, можно предположить, что произведение было написано до 1525 г., так как во время заключения Максиму было запрещено писать⁴², но, конечно, оно стало актуальным во время второго процесса, когда целью митрополита Даниила и его сторонников было уничтожить партию монахов-нестяжателей, для которой ориентиром являлся монах Вассиан. Тем не менее принципиальная позиция, поддержанная Максимом, должна была интересовать менее, нежели канонические распоряжения, особенно если они выражены монахом, уже осужденным и отлученным от церкви, но, несомненно, она была полезна для ведения процесса против Вассиана и его сторонников.

Враждебность церковного мира, направленная во время процесса 1531 г. прежде всего против русского монаха, неким образом благоприветствовала Максиму, который был помилован и освобожден от строгого заключения, хотя и оставался под контролем тверского епископа. С приходом митрополита Иоасафа (1539) Максиму удалось вернуться к своей деятельности, хотя после прибытия в Троицкий монастырь в конце 1540-х гг. афонский монах приступил к созданию собрания своих сочинений. Нам трудно вообразить, что такое радикальное полемическое сочинение было создано в последние годы его жизни, но мы не можем полностью исключить и того, что оно плод раздумий о событиях 1520-х гг., составленный при покровительстве игумена Артемия в Троицком монастыре. По крайней мере, можно допустить, что ко времени после освобождения Максима восходит важное дополнение, следующее за эпилогом, в котором насильственное пострижение подвергается критике, а к монахам-стяжателям обращается мольба не воспринимать себя врагами автора, призывающего их к изменению образа жизни.

Заключение

Мы можем, таким образом, заключить, что в «Стязании» Максима Грека поставлена цель дать обоснование монашеского призвания с опорой на Священное Писание и древнюю монашескую традицию. По его мнению, монашеские обеты были в явном противоречии не только с наличием монастырской собственности, но и с самой идеей владения, которая была чужда как евангельским заповедям, так и наиболее чистой и древней монашеской традиции. Его позиция сложилась во время его пребывания в Италии и в последующем вызрела в русле традиций восточного монашества, сохраняя преемственность, которая показывает в истинном свете его оригинальный идейный синтез, осуществленный в новой церковной и общественной ситуации России. Распространение этого сочинения, вместе с другими его произведениями, поднимающими тот же вопрос, представляет, на наш взгляд, фундаментальный вклад в культурную, социальную и религиозную историю России, показывая, что спор о монастырской собственности должен был бы восприниматься в рамках тех сложных движений, которые охватили всю Европу с конца Кватроченто и до первой половины Чинквеченто, в начале Нового времени.

⁴¹ О греческой диаспоре в эпоху Максима Грека см.: [Гардзанини 2019].

⁴² О категорическом запрете писать или поддерживать переписку см.: «Сибирский список». Л. 328–328 об. [Судные списки, с. 97]. Ср. коммент.: [Судные списки, с. 55–56].

Литература

- Акопян О. Л. Волки в овечьих шкурах. «Рассуждения против прорицательной астрологии» и ренессансная мысль Италии конца XV – начала XVI в. М.; СПб., 2018. 256 с.
- Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010. 390 с.
- Афанасьева Т. И. Donatio Constantini в славянских переводах XIV–XV вв. // Slověne. 2019. Vol. 8. № 1. С. 109–133.
- Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарица Т. А. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб., 2017. 494, [1] с., [8] л. цв. ил.
- Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека: неизданные тексты. Л., 1984. 277 с., 4 л. ил.
- Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. СПб., 1913. Т. 1. 389 с.; Т. 2. 487 с.
- Гардзанити М. Священное писание и *auctoritates* у Максима Грека // ТОДРА. СПб., 2016. Т. 64. С. 33–46.
- Гардзанити М. Прибытие Максима Грека в Москву (1518) и международная дипломатическая обстановка // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко / Под ред. Ю.А. Перова. М., 2019. С.57-72.
- Гардзанити М. «Стязание о извъстном иночьскомъ жительствоу» Максима Грека. Структура произведения и его цель // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1 (83). С. 161–170.
- Гардзанити М. Слово утешительное инока в темнице, первое свидетельство заключенной литературы в России (в печати).
- Зимин А. А. Выпись о втором браке Василия III // ТОДРА. Л., 1976. Т. 30. С. 132–148.
- Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. 333 с.
- Иванов А. И. К вопросу о нестяжательских взглядах Максима Грека // Византийский Временник. М., 1969. Т. 29 (54). С. 135–147. [Иванов, 1969а]
- Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969. 248 с., 2 л. ил. [Иванов, 1969б]
- Исаченко Т. А. Образ Афона в афонских сказаниях преп. Максима Грека и Сергия Шелонина // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: материалы III Всероссийской научной конференции, посвященной памяти академика РАН Николая Николаевича Покровского. Новосибирск, 13–15 октября 2017 г. Новосибирск, 2017. С. 101–108.
- Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. 363 с., 10 л. факс.
- Казакова Н. А. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека // Византийский временник. М., 1969. Т. 28 (53). С. 109–126.
- Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII века: В 2 т. СПб., 2017. Т. 1. Исследование. 597, [1] с.
- Плигузов А. И. Полемика в Русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. 415 с.
- Сизинцев С. П. Библиейские источники «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева в рукописных собраниях РГАДА // Отечественные архивы. 2012. № 4. С. 21–35.
- Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. 332 с.
- Синицына Н. В. Максим Грек. М., 2008. 232, [4] с., [8] л. ил., портр., факс.
- Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Изд. подгот. Н. Н. Покровский; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971. 181 с., 4 л. ил.
- Тончева-Тодорова Хр. Развой на старобългарските чинопоследования за встъпване в монашество през X–XVIII век. Коментар и текстове. Пловдив, 2005. 142 с.
- Caio G. M. L'eredità picchiana: Gianfrancesco Pico tra Sesto Empirico e Savonarola // Pico, Poliziano e l'Umanesimo di fine Quattrocento. 1994. P. 231–241.
- Caio G. M. Scepticism and Orthodoxy: Gianfrancesco Pico as a reader of Sextus Empiricus with a facing text of Pico's quotations from Sextus // Bruniana e campanelliana: ricerche filosofiche e materiali storico-testuali. 2007. Vol. 13. № 1. P. 263–366.
- Caio G. M. "Inter alias philosophorum gentium sectas, et humani et mites": Gian Francesco Pico and the Sceptics // Renaissance Scepticism. Dordrecht, 2009. P. 127–147.

- Creytens R. Le testament de saint Dominique dans la littérature dominicaine ancienne et modern // *Archivum Fratrum Praedicatorum*. 1973. № 43. P. 29–72.
- Garzaniti M. Il Discorso sulle instabilità e i disordini (Slovo o nestroenijach i bezčinijach). Alle fonti del lamento della Vasilija, in *Scrittura e scritture per Massimo il Greco a cinquecento anni dall'arrivo in Moscovia* // *Studi slavistici*. 2019. Vol. 16. № 2. P. 157–175. [Garzaniti, 2019a]
- Garzaniti M. Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze) // *Atti del convegno "I Domenicani e la Russia (Roma, 9-10 dicembre 2016)"* // *Archivum Fratrum Praedicatorum*. 2019. № 4. P. 41–74. [Garzaniti, 2019b]
- Infelise M. Aldo Manuzio, il Vecchio. Roma, 2007. (Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 69).
- Iturgáiz Ciriza D. El Angélico: pintor de Santo Domingo de Guzmán. Salamanca, 2000.
- Pappalardo L. Fede, immaginazione e scetticismo in Gianfrancesco Pico della Mirandola. Tesi di dottorato. Salerno, 2010. 387 p.
- Pevarello D. The Sentences of Sextus and the Origins of Christian Asceticism. Tübingen, 2013. 248 p.
- Polizzotto L. The Elect Nation. The Savonarolan Movement in Florence, 1490–1545. Oxford, 1994. 504 p.
- Ramelli I. L. E. Social Justice and the Legitimacy of Slavery. The Role of Philosophical Asceticism from Ancient Judaism to Late Antiquity. Oxford, 2016. 293 p.
- Romoli F. Писану видѣх / писано и вѣдах. Sulle fonti della Povest' strašna di Massimo il Greco, in *Scrittura e scritture per Massimo il Greco a cinquecento anni dall'arrivo in Moscovia* // *Studi slavistici*. 2019. Vol. 16. № 2. P. 199–218.
- Schnitzer G. Savonarola. Milano, 1931. Vol. 1–2.
- Sgattoni M. La rinascita dello scetticismo tra eresia e riforma. Urbino, 2018. 327 p.
- Špidlík T. Joseph de Volokolamsk. Une chapitre de la spiritualité russe. Roma, 1956.
- Thesaurus sententiarum Sexti: textus auctus una cum sententiis Clitarchi, sententiis Pythagoricorum et translatione latina Rufini Aquileiensis / A cura di B. Coulie, M. Dubuisson. Turnhout, 2003. 88 p.
- Tromboni L. La cultura filosofica di Girolamo Savonarola tra predicazione e umanesimo: Platone, Aristotele e la Sacra Scrittura // *Cahiers d'études italiennes*. 2019. № 29. URL: <http://journals.openedition.org/cei/6184> (дата обращения: 20.03.2021).

References

- Afanas'eva, T. I. Donatio Constantini v slavyanskikh perevodakh XIV–XV vv. [*Donatio Constantini* in Slavic Translations of the 14th and 15th centuries: On the Problem of Dating and Localization]. In *Slověne*. 2019. Vol. 8. No. 1. Pp. 109–133.
- Akopyan, O. L. Volki v ovech'ikh shkurakh. "Rassuzhdeniya protiv proritsatel'noi astrologii" i renessansnaya mysl' Italii kontsa XV – nachala XVI v. [Wolves in Sheep's Clothing. *Arguments against Divinatory Astrology and Renaissance Thought in Italy of the Late 15th – the Early 16th Century*]. Moscow; Saint Petersburg, 2018. 256 p.
- Alekseev, A. I. Sochineniya Iosifa Volotskogo v kontekste polemiki 1480–1510-x gg. [The Writings of Joseph Volotsky in the Context of the Polemics of the 1480–1510s]. Saint Petersburg, 2010. 390 p.
- Belyakova, E. V., Moshkova, L. V., Oparina, T. A. Kormchaya kniga: ot rukopisnoi traditsii k pechatnomu izdaniyu [The Kormchaya Book: From the Handwritten Tradition to the Printed Edition]. Moscow; Saint Petersburg, 2017. 494, [1] p., [8] l. color il.
- Bulanin, D. M. Perevody i poslaniya Maksima Greka: neizdannye teksty [Translations and Epistles of Maximus the Greek: Unpublished Texts]. Leningrad, 1984. 277 p., 4 l. il.
- Cao, G. M. L'eredità pichiana: Gianfrancesco Pico tra Sesto Empirico e Savonarola. In *Pico, Poliziano e l'Umanesimo di fine Quattrocento*. 1994. P. 231–241.
- Cao, G. M. Scepticism and Orthodoxy: Gianfrancesco Pico as a reader of Sextus Empiricus with a facing text of Pico's quotations from Sextus. In *Bruniana e campanelliana: ricerche filosofiche e materiali storico-testuali*. 2007. Vol. 13. № 1. P. 263–366.
- Cao, G. M. "Inter alias philosophorum gentium sectas, et humani et mites": Gian Francesco Pico and the Sceptics. In *Renaissance Scepticism*. Dordrecht, 2009. P. 127–147.
- Creytens, R. Le testament de saint Dominique dans la littérature dominicaine ancienne et modern. In *Archivum Fratrum Praedicatorum*. 1973. № 43. P. 29–72.

- Gardzaniti, M. Svyashchennoe pisanie i *auctoritates* u Maksima Greka [The Holy Scriptures and *Auctoritates* in Maximus the Greek]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 2016. Vol. 64. Pp. 33–46.
- Gardzaniti, M. Pribytie Maksima Greka v Moskvu (1518) i mezhdunarodnaya diplomaticheskaya obstanovka [The arrival in Moscow of Maxim the Greek (1518) and the international diplomatic juncture]. In *U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdisciplinarnykh putyakh. Jubileynyy sbornik v chest' Aleksandra Vasil'evicha Nazarenko*. Edited by Ju.A. Petrov, Moskva, 2019, Pp.57-72.
- Gardzaniti, M. "Styazanie o izvestnom inoch'skom" zhitel'stve" Maksima Greka. Struktura proizvedeniya i ego tsel' [The Controversy about the Monastic Way of Life as We Know It by Maximus the Greek. The Structure of the Work and Its Purpose]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2021. No. 1 (83). Pp. 161–170.
- Gardzaniti, M. Slovo uteshitel'noe inoka v temnitse, pervoe svidetel'stvo zaklyuchennoi literatury v Rossii [The Comforting Sermon of a Monk in Prison, the First Evidence of Incarcerated Literature in Russia] (in print).
- Garzaniti, M. Il Discorso sulle instabilità e i disordini (Slovo o nestroenijach i bezčiniyach). Alle fonti del lamento della Vasilija, in Scrittura e scritture per Massimo il Greco a cinquecento anni dall'arrivo in Moscovia. In *Studi slavistici*. 2019. Vol. 16. № 2. P. 157–175. [Garzaniti, 2019a]
- Garzaniti, M. Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze) // Atti del convegno "I Domenicani e la Russia (Roma, 9-10 dicembre 2016)". In *Archivum Fratrum Praedicatorum*. 2019. № 4. P. 41–74. [Garzaniti, 2019b]
- Infelise, M. Aldo Manuzio, il Vecchio. Roma, 2007. (Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 69).
- Isachenko, T. A. Obraz Afona v afonskikh skazaniyakh prep. Maksima Greka i Sergiya Shelonina [The Image of Athos in the Athonite Legends of Maximus the Greek and Sergiy Shelonin]. In *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniya i arkheografii: materialy III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati akademika RAN Nikolaya Nikolaevicha Pokrovskogo. Novosibirsk, 13–15 oktyabrya 2017 g.* Novosibirsk, 2017. Pp. 101–108.
- Iturgáiz Ciriza, D. El Angélico: pintor de Santo Domingo de Guzmán. Salamanca, 2000.
- Ivanov, A. I. K voprosu o nestyazhatel'skikh vzglyadakh Maksima Greka [On the Question of Maximus the Greek's non-Possessive Views]. In *Vizantiiskii Vremennik*. Moscow, 1969. Vol. 29 (54). Pp. 135–147. [Ivanov, 1969a]
- Ivanov, A. I. Literaturnoe nasledie Maksima Greka. Kharakteristika, atributsiya, bibliografiya [The Literary Heritage of Maximus the Greek. Characteristics, Attribution, Bibliography]. Leningrad, 1969. 248 p., 2 l. il. [Ivanov, 1969b]
- Kazakova, N. A. Vassian Patrikeev i ego sochineniya [Vassian Patrikeev and His Works]. Moscow; Leningrad, 1960. 363 p., 10 l. faks.
- Kazakova, N. A. Vopros o prichinakh osuzhdeniya Maksima Greka [The Question of the Reasons for the Condemnation of Maximus the Greek]. In *Vizantiiskii vremennik*. Moscow, 1969. Vol. 28 (53). Pp. 109–126.
- Korogodina, M. V. Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII veka [Kormchie Books of the 14th – the First Half of the 17th Century]. In 2 vol. Saint Petersburg, 2017. Vol. 1. Issledovanie. 597, [1] p.
- Pappalardo, L. Fede, immaginazione e scetticismo in Gianfrancesco Pico della Mirandola. Tesi di dottorato. Salerno, 2010. 387 p.
- Pevarello, D. The Sentences of Sextus and the Origins of Christian Asceticism. Tübingen, 2013. 248 p.
- Pliguzov, A. I. Polemika v Russkoi tserkvi pervoi treti XVI stoletiya [Polemics in the Russian Church of the First Third of the 16th Century]. Moscow, 2002. 415 p.
- Polizzotto, L. The Elect Nation. The Savonarolan Movement in Florence, 1490–1545. Oxford, 1994. 504 p.
- Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniya [St. Maximus the Greek. Works]. Edited by N. V. Sinitsyna. Moscow, 2008. Vol. 1. 567 p., [1] l. il.
- Ramelli, I. L. E. Social Justice and the Legitimacy of Slavery. The Role of Philosophical Asceticism from Ancient Judaism to Late Antiquity. Oxford, 2016. 293 p.
- Romoli, F. Pisanu videkh / pisano i vedakh. Sulle fonti della Povesť strašna di Massimo il Greco, in Scrittura e scritture per Massimo il Greco a cinquecento anni dall'arrivo in Moscovia. In *Studi slavistici*. 2019. Vol. 16. № 2. P. 199–218.
- Schnitzer, G. Savonarola. Milano, 1931. Vol. 1–2.

- Sgattoni, M. La rinascita dello scetticismo tra eresia e riforma. Urbino, 2018. 327 p.
- Sinitsyna, N. V. Maksim Grek v Rossii [Maximus the Greek in Russia]. Moscow, 1977. 332 p.
- Sinitsyna, N. V. Maksim Grek [Maximus the Greek]. Moscow, 2008. 232, [4] p., [8] l. il., portr., faks.
- Sizintsev, S. P. Bibleiskie istochniki "Sobraniya nekoego startsa" Vassiana Patrikeeva v rukopisnykh sobraniyakh RGADA [Bible Sources of the *Collection of a Certain Elder* by Vassian Patrikeev in the Manuscript Collections of the Russian State Archive of Ancient Acts]. In *Otechestvennye arkhivy*. 2012. No. 4. Pp. 21–35.
- Sudnye spiski Maksima Greka i Isaka Sobaki [Judgment Acts of Maximus the Greek and Isak Sobaka]. Prepared by N. N. Pokrovskii; edited by S. O. Shmidt. Moscow, 1971. 181 p., 4 l. il.
- Špidlík, T. Joseph de Volokolamsk. Une chapître de la spiritualité russe. Roma, 1956.
- Thesaurus sententiarum Sexti: textus auctus una cum sententiis Clitarchi, sententiis Pythagoricorum et translatione latina Rufini Aquileiensis / A cura di B. Coulie, M. Dubuisson. Turnhout, 2003. 88 p.
- Toncheva-Todorova, Khr. Razvoi na starob''lgarskite chinoposledovaniya za vst''pване v monashestvo prez X–XVIII vek. Komentar i tekstove [The Development of Old Bulgarian Rites on Entering Monastic Life in the 10th – 18th Centuries. Commentary and Texts]. Plovdiv, 2005. 142 p.
- Tromboni, L. La cultura filosofica di Girolamo Savonarola tra predicazione e umanesimo: Platone, Aristotele e la Sacra Scrittura. In *Cahiers d'études italiennes*. 2019. № 29. URL: <http://journals.openedition.org/cei/6184> (accessed March 20, 2021).
- Villari, P. Dzhirrolamo Savonarola i ego vremya [Girolamo Savonarola and His Time]. Saint Petersburg, 1913. Vol. 1. 389 p.; Vol. 2. 487 p.
- Zimin, A. A. Vypis' o vtorom brake Vasiliya III [An Extract of the Second Marriage of Basil III]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Leningrad, 1976. Vol. 30. Pp. 132–148.
- Zimin, A. A. Rossiya na rubezhe XV–XVI stoletii [Russia at the Turn of the 15th and 16th Centuries]. Moscow, 1982. 333 p.

Marcello Garzaniti
University of Florence, Florence, Italy

CONTROVERSY ABOUT THE MONASTIC WAY OF LIFE AS WE KNOW IT
BY MAXIMUS THE GREEK.
THE CONCEPT OF POVERTY AND ITS SOURCES

In this work, Maximus the Greek set a goal to highlight the foundations of the vow of poverty, which he believed to be clearly opposed not only to the management of property, but also to the very idea of possession. His position had received a fundamental imprinting during his stay in Italy and subsequently matured within the tradition of Eastern monasticism, in a continuity that highlights the original synthesis he achieved in the new ecclesiastical and social situation in Russia.
Keywords: cultural relations between Russia and the West, Bible and literature, Russian monasticism, monastic poverty, Maximus the Greek

